

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОГНОЗИРОВАНИЕ БУДУЩЕГО

Доклад на Российском междисциплинарном семинаре по
темпорологии 30 ноября 2010 г.

В.А. ПОЛИКАРПОВ, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии Белорусского государственного университета

В наших предыдущих работах мы показали, что причина, вызвавшая событие, становится в конце, как бы завершая его [см. 1]. Это выдаёт её истинное положение. Она не является началом события, как должно было бы быть в привычном нашему бодрствующему сознанию мире. Она как бы завершает, притягивает его, создавая весь последовательно связанный набор элементов. В принципе, они могли бы быть другими, эти элементы. Но причина, вызвавшая их, уже есть, она уже в настоящем. Назовём эту причину, вызвавшую событие аттрактор. Аттрактор – одно из центральных понятий синергетики. Это понятие обозначает активные устойчивые центры потенциальных путей эволюции системы, способные притягивать и организовывать окружающую среду. Рассматривая его в контексте понимания, мы называем его замысел. Например, некоторые морские рыбы стремятся в пресноводные реки, для того чтобы отложить икру. Это понятно, это отвечает на вопрос – зачем? Не имеет смысла спрашивать, чей замысел. Мы лишь предполагаем стоящего за этим субъекта. Если событие отклоняется от замысла, включаются корректирующие микрособытия. Это такие микрособытия, которые корректируют событие в соответствии с замыслом, или способствуют началу реализации замысла.

Наша главная идея состоит в том, что этот процесс невозможен без обратной связи. Назовём её темпоральная обратная связь. В противном случае его отклонение от аттрактора породило бы хаос в нашем мире. Начало события, т.е. возникновение и начало работы аттрактора, и установление темпоральной обратной связи, проявляется в нашем мире в виде индекса. Субстанциональные потоки, которые порождают генеральный процесс, не могут существовать без обратной связи. В противном случае неизбежны сбой и всеобщий хаос. В настоящем с необходимостью должен присутствовать образ целевой причины, без соотнесения с которым обратная связь, как коррекция развития процесса, невозможна. Это его присутствие, воспринятое ассоциированным наблюдателем (см.: «Структуры времени» [2]) и представляет собой индекс, позволяющий ему предвидеть события.

Мы можем с достаточной определённой сказать, что *мир, в котором возникают и откуда приходят к нам события, ведёт себя и значит, организован как психическая реальность.* И темпоральная обратная связь ведёт себя как известная нам информационная обратная

связь, свойственная таким сложноорганизованным системам как человек или общество. При этом известно, что любая система с обратной связью должна рассматриваться как интеллектуальная.

Теперь обратимся к анализу сновидений. Ранее я утверждал (см.: Психосемантическая концепция времени [3]), что мы можем с достаточной определённой сказать, что мир, в котором возникают и откуда приходят к нам события, ведёт себя и значит организован как психическая реальность. (У этой идеи нашлись единомышленники, например, Джорджио Фонтана из университета в Тренто [4]). Поэтому темпоральная обратная связь ведёт себя как известная нам информационная обратная связь, свойственная таким сложноорганизованным системам как человек или общество. По этой причине, для того, чтобы хоть немного проникнуть в этот мир я собирался воспользоваться методами психосемантики, хотя бы на уровне категоризации аттракторов.

Вот результаты этого опыта.

Начнём с анализа нескольких наблюдений.

Давно замечено, что в сновидении один образ замещает другой. Он как бы используется в переносном значении. Зачем? Быть может, ответив на этот вопрос, мы сможем продвинуться к решению основного? Итак, вот исходная ситуация. Я принимаю в кабинете психологической помощи и читаю лекции на полставки на факультете психологии. Мой друг В. постоянно работает на факультете. Ко мне на приём приходит студент факультета психологии и говорит: я мучился, мучился, а потом мне приснилось, что я пришёл на приём к В. и он мне помог. Я проснулся и понял, что В. во сне это Вы, и что я должен пойти к Вам на приём.

Итак, почему сновидение не показало ему сразу меня? Лично у меня есть такая версия: сновидение смотрит как бы издали и не может точно разглядеть. Поэтому, оно принимает одного человека за другого. Нас с В. часто видят вместе, и поэтому можно было перепутать, глядя издали, кто именно это. Студент чаще видит В., работающего постоянно на факультете, и его сновидение отдаёт предпочтение ему, по принципу: это, скорее всего, В. Значит, для обозначения чего-то сновидение всегда имеет некий набор образов. По какому принципу они группируются? Может быть по контрасту? В. работает на факультете, а я нет? В сознании студента это может быть оппозицией.

Но вот ещё одно сновидение, на этот раз моё. Исходная ситуация такова. Моя дочь поступает в вуз. Сама себе его выбрала и сама поступает. Вот она сдаёт все экзамены, остаётся собеседование. Я знаю, там строгий контроль и экзамены принимаются объективно. Завалить могут только на собеседовании. Мы все на нервах, и вот ночью мне снится сновидение. Большой спортивный зал. Много людей. Вдоль стен скамейки. На них сидят молодые люди, и ждут, пока их вызовут. Все очень волнуются.

Среди них моя аспирантка С. Я уверен, что всё будет хорошо. Я так и говорю ей. Но вот она входит в какую-то дверь. Проходит время, в течение которого я думаю, что у неё всё получится, как бы успокаивая себя. Наконец она выходит, на ней нет лица, она плачет, двойка. Я говорю какой-то женщине, пожалуйста, успокойте её. Женщина обнимает, как-то успокаивает её, а я быстро удаляюсь, так мне тяжело и обидно. Утром я проснулся с плохим настроением, никому ничего не сказал, но знал, что так и будет. Так оно и получилось, дочь не поступила, поступили только свои.

Ясно, что в этом сновидении спортивный зал символизирует атмосферу состязательности, аспирантка С. – мою дочь, двойка – неудачу в собеседовании, незнакомая женщина – мою жену. Но почему не показать всё это буквально? Почему спортивный зал, а не институт? Ну, тут ясно. Я в том институте никогда не был, и просто пытался его представить. Тут и прошёл образ зала. Но почему аспирантка вместо дочки? Собственно, это была моя первая аспирантка, жена даже шутила: папа у С. силён в математике и т.д. Да, она ближе всего к моей дочери по моему эмоциональному отношению. Но здесь нет контраста. Тогда что? Всё-таки не родная, не так жалко? Тоже касается и жены. Не хочется её огорчать и появляется посторонняя женщина, которую я прошу утешить С. Психологическая защита?

Здесь выделяется три группы объектов. Спортивный зал. Он стоит в ряду таких объектов как экзаменационная аудитория, диагностический кабинет, смотровая и т.п. Он вполне подходит под концепцию прототипов. Все эти объекты функционально объединены, но самый типичный из них – это спортивный зал. Но аспирантка явно не прототип близкого родственника. И тем более, посторонняя женщина. Посторонняя женщина входит в комплекс возможных утешителей, но стоит далеко от прототипа. Так же и аспирантка входит в комплекс объектов отеческой заботы, но не является его наиболее типичным представителем. И вот тут приходится сделать предварительный вывод. Да, объекты могут быть организованы в будущем по принципу прототипов (Дж. Фонтана сравнивает такое будущее с памятью), но не объекты несут смысловую нагрузку в тех сообщениях из будущего – индексах, которые мы можем получать. Чуть ниже я скажу, что же на самом деле. Но сначала я хочу привести наблюдения, сделанные Путхоффом и Таргом [5], которые совпадают с моими. В экспериментах по дальновидению они обнаружили наличие структурно-образного сходства между определенными элементами ответа испытуемого, с одной стороны, и мишенью и ее окружением, с другой, что особенно было заметно на рисунках. Они пришли к выводу, что главная часть правильной информации, которую можно получить от испытуемого в такого рода экспериментах, носит неаналитический характер и относится к виду, форме, цвету, материалу

объекта, то есть информация обрабатывается на образно-символическом уровне. Я полагаю, что носителем смысла, в этом случае, является способ организации объектов, отобранных случайно из соответствующих категорий. Случайно в том смысле, что их собственное смысловое значение никакого значения в данном случае не имеет. Этот способ организации, представляющий собой, ещё один и при этом основной элемент наглядного образа, я назвал «квазиграфический объект». Квазиграфический потому, что он присутствует в изображении, более того, придаёт ему смысловую организацию, но сам изображён быть не может. Только через воплощение в каком-нибудь материале.

Итак, квазиграфический объект – это принцип, или метод, репрезентированный субъекту в наглядном образе. Здесь уместно напомнить Гегеля: «Метод есть не что иное, как построение целого (der Bau des Ganzen), представленное в его чистой сущности» [6].

Но, почему именно наглядный образ? Во-первых, он ближе к деятельности и проистекает из неё, как и метод в нём закодированный. Во-вторых, это неосознаваемый процесс, близкий к интуиции, а бессознательное говорит с нами языком символов (образный компонент), потому, что не знает словесного языка. Язык символов интернационален.

Дадим ещё одно определение. Квазиграфический объект – это общее пространство двух образов. Это их частичное совпадение. Оно не может относиться к их сущностям. Оно вообще случайно для них. Оно сущность чего-то третьего, могущего возникнуть. Оно порождает нечто новое – новый образ, и после вербализации новый смысл. В этом контексте лучше всего было бы назвать его «институциональная матрица», позаимствовав термин у С.Г. Кирдиной [7].

Мир бытия воздействует на мир существования посредством институциональных матриц. Такая матрица целиком в настоящем, но развёртывается последовательно, создавая течение времени события. Дж. Фонтана сравнивает её с киноплёнкой (8). В настоящем всегда присутствует целевая причина события, которая обеспечивает темпоральную обратную связь.

Ещё об институциональной матрице. Может быть, вот это послужит подсказкой? Вот, когда вы говорите какую-то фразу в разговоре (предположим, что это монолог), следующая фраза уже готова. Как правило, вы о ней не думаете, она формируется сама (эти механизмы, мы пропустим). Так вот, она находится в кратковременной памяти (для простоты назовём её так, хотя и тут есть свои нюансы, ну пусть будет просто в кратковременной памяти) вот в таком виде: «м о д о г м ы в о н с», а потом, когда вы её произносите и тут же осознаёте, она разворачивается так: «с н о в ы м г о д о м». Иногда, когда контроль сознания ослабевает, возникает парафазия – мы путаем местами буквы. Например, вместо слова «например» напишем «нарпимер». Видите, фраза

прорывается в том виде, как она хранилась в памяти. То же со сновидениями и с мыслями. До попадания в фокус внимания Я, в начале стоит то, что потом будет в конце. Таким образом, достигается целостность данной психической структуры. Целостность обеспечивает контроль за реализацией (обратная связь, мы как бы чувствуем, что говорим то, что надо), и направление её развёртывания. Всё это я называю событием. Мы можем не знать, чем оно закончится, но оно уже предрешено этим конечным отрезком, находящимся вне нашего сознания, в другом мире (здесь, в кратковременной памяти), чуть в будущем, по отношению к нам. Помещённое в будущее, завершённое событие, я называю институциональной матрицей. Вот пример из физики. Возьмём принцип Ферма: свет, распространяясь в неоднородной среде, всегда выбирает такой путь, время прохождения по которому является наименьшим среди всех возможных. Например, свет идёт через воздух, потом через стекло, потом снова через воздух. Траектория сразу оптимальна. Откуда свет знает, что впереди стекло? Теперь мы можем это объяснить. В начале движения света между его источником и приёмником (наблюдателем) возникает институциональная матрица. Она возникает сразу, потому что не имеет времени и вся в настоящем. Она определяет оптимальный маршрут для света, по которому он распространяется во времени. Всё движение света от источника к приёмнику мы называем «событием». Появление институциональной матрицы и её работа по созданию траектории определяется наблюдателем, который находится в конце события.

Теперь перейдём к экспериментальной части исследования. За основу взяты эксперименты Путхоффа и Тарга. Они были выполнены в лаборатории электроники и биоинженерии Станфордского научно-исследовательского института в первой половине 1970-х годов и касались исследования феномена дальновидения. Исследование состояло в выполнении серии тестов с двойной страховкой, в которых фигурировали мишени, расположенные в районе залива Сан-Франциско. Для удостоверения фактов дальновидения к месту каждой мишени имели возможность прибыть несколько независимых экспертов. Правила предусматривали, что испытуемый вместе с экспериментатором находится в закрытом помещении в СНИИ и в установленное время должен начать описание неизвестного ему удаленного объекта, на котором в это же время находится выездная группа фиксации мишени. В качестве дальновидящего в каждом опыте выступал один из шести испытуемых, проявивших ранее соответствующие способности. Выбор мишени, на которую при этом выезжала группа фиксации в составе экспериментаторов выбирался методом случайной повторной выборки. Информация о местоположении мишеней была нанесена на карточки, которые затем были запечатаны в конверты и хранились в сейфе отдела. Доступ к карточкам был возможен

только в личном присутствии начальника отдела, который наугад выбирал номер карточки для очередного эксперимента; эта карточка устанавливала, куда должна ехать выездная группа. Выездная группа, затратив 30 мин на дорогу, оставалась на месте расположения мишени в течение 15 мин. Дальновидящего испытуемого просили, чтобы в течение периода наблюдения мишени выездной группой он наговаривал на магнитофон рассказ о своих впечатлениях о мишени и ее местоположении, дополняя рассказ по желанию любыми рисунками. По возвращении выездной группы производилась предварительная сверка результатов, а затем испытуемого отвозили на место расположения мишени, чтобы дать ему возможность сопоставить свои впечатления с реальным объектом.

Мы планировали практически полностью повторить схему этого эксперимента. В ходе экспериментов в СНИИ испытуемые по своей инициативе начинали иногда говорить, что они уже задумывались о предстоящем участии в опыте и о том, что у них даже возникло представление о характере будущей мишени. Эти сведения получал только экспериментатор, остававшийся с испытуемым, и до окончания эксперимента о них ничего не знал другой экспериментатор, который направлялся к мишени. Иногда к тому времени, когда испытуемый начинал рассказывать о своих впечатлениях относительно мишени, ее местонахождение еще оставалось невыбранным, эти предвосхищения показались Путхоффу и Таргу весьма затруднительными для истолкования.

Мы считаем это основным моментом. Испытуемый влиял на выбор мишени. Процедура опытов оставалась той же, что и в предыдущих экспериментах по дальновидению, но с одним исключением: испытуемого просили описывать удаленный объект в течение 15 минут, которые начинались за 20 минут до выбора мишени и за 35 минут до прибытия выездной группы к месту назначения. Эту модель мы планировали повторить вслед за первой экспериментальной серией. Если эта вторая, основная экспериментальная серия дала бы статистически значимые результаты, значит гипотеза о влиянии на будущие события ассоциированного наблюдателя получила бы некоторое подтверждение. В итоге мы получили следующее.

Удалось провести только первую серию эксперимента. В ней приняло участие 14 испытуемых – все они студентки отделения психологии БГУ. Эксперимент проводился в учебно-исследовательской лаборатории кафедры психологии и начинался всегда в 11 часов 10 минут. Ход опыта записывался на видеокамеру. Использовался приём разделённого зрения. Экспериментатор погружал испытуемую в транс и предлагал посмотреть вокруг глазами своего парня. После чего предлагалось пробудить мышцы, которые помогают ей говорить и сказать несколько слов о том где он сейчас и что он видит. После этого

испытуемая выводилась из транса с командой запомнить всё, что происходило в трансе. Затем испытуемым предлагалось рассказать о своих впечатлениях и нарисовать то, что они видели. После этого они звонили своему парню по мобильному телефону и спрашивали его, где он был десять минут назад. Результаты оказались следующими.

Испытуемые могли видеть конкретные образы, например, одна испытуемая сообщила, что видит вагон то ли метро, то ли электрички, другая увидела ксерокс и в руках то ли книгу, то ли бумагу, третья – подносы и прилавки в столовой. Абстрактные образы напомнили результаты Путхофф. Нависающий шатёр паутины оказался куполом главпочтамта, рассматриваемым изнутри. Что-то вроде Пирамиды и Сфинкса оказалось Национальной библиотекой и памятником Франциску Скорине. Уходящая в даль ажурная конструкция оказалась переходом между двумя станциями метро. Результаты сведены в таблицу.

Таблица 1.

№ испытуемого	Количество угадываний	Из них конкретных образов	Из них абстрактных образов
1	3	2 (ксерокс, столовая)	1
2	3	1 (метро)	2
3	3	1 (библиотека)	2
4	3	0	3
5	3	0	3
6	3	0	3
7	2	0	2
8	2	0	2
9	0	0	0
10	0	0	0
11	0	0	0
12	0	0	0
13	0	0	0
14	0	0	0

Итак, у испытуемой, которая угадала 2 конкретных образа, вероятность именно такого результата равна 0,0039, т.е. событие это было практически невозможным. Она, тем не менее, угадала, не смотря на такую вероятность, Что это означает? Здесь с математической точки зрения всё понятно. Вероятность эта - статистическая и вычисляется в предположении, что выбор ответа происходит случайно. Т.е. вероятность того, что испытуемая угадает правильный ответ случайно равна 0,0039. А то, что она, тем не менее, выбрала правильный ответ, говорит только об одном - выбор этот был не случайным. Т.е. на момент ответа она не

угадывала, а объективно знала ответ или видела это место. И потом в данном эксперименте возможных исходов было 10. В результате эксперимента, тем не менее, нами были зафиксированы только 5. Причём условно их можно разделить на 3 группы: 1) Те, в которых испытуемые угадали хотя бы 1 конкретный образ (вероятность того, что их выбор был случаен стремится к нулю), 2) которые не угадали ни одного конкретного образа, но угадали хотя бы 2 абстрактных образа (вероятность того, что их ответ был случаен мала, хотя и не исключена) и 3) те, которые не угадали ничего (с самой большой вероятностью). Мы не получили именно те 5 возможных вариантов, которые иллюстрировали бы как раз таки случайность этого выбора. Например, угадала 1 конкретный, и 2 не угадала. А у нас получилось: либо угадала не менее 2, либо не угадала вообще, т.е. фактически противоположные результаты - максимум и минимум. И это говорит о том, что те, которые угадали - либо обладают каким-то свойством, которым не обладают те, которые не угадали; либо для выбора ответа те, которые угадали, используют какой-то определённый алгоритм операций, который по какой-то причине не используют те, которые не угадали. Причём те, которые угадали конкретный образ, обладают этим свойством в большей степени, чем те, которые отгадали лишь абстрактный образ.

Следующий этап эксперимента будет посвящён исследованию влияния испытуемых на будущие события.

Список цитированных источников

1. Поликарпов. В.А. Структуры времени / В.А. Поликарпов // Философия и социальные науки. – 2007.- № 1 – 3. - 2008. - № 1, 4.
2. Поликарпов. В.А. Структуры времени / В.А. Поликарпов.- www.chronos.msu.ru/RREPORTS/polikarpov_vremya.pdf
3. Поликарпов. В.А. Психосемантическая модель времени / В.А. Поликарпов.- http://www.chronos.msu.ru/RREPORTS/polikarpov_model.pdf
4. Fontana, G. On the Nature of time / G. Fontana. - http://www.chronos.msu.ru/EREPORTS/fontana_nature_of_time.pdf
5. Путхофф, Тарг. Перцептивный канал передачи информации на дальние расстояния. История вопроса и последние исследования / Путхофф.- http://it.wikipedia.org/wiki/Harold_Puthoff

6. Hegel, G.W.F. Phanomenologie des Geistes / G.W.F. Hegel. – Berlin, 1964.

7. Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России / С.Г. Кирдина . – М., 2000.

8. Fontana, G The Four Space-times Model of Reality / G. Fontana. - http://www.chronos.msu.ru/EREPORTS/fontana_model.pdf